

14.1.93
Независимая
1993-1999 14 ЯНВ.
С.7

ДУРАЦКИЙ ТАНЕЦ

Иоанна д'Арк стала героиней спектакля знаменитого шведского хореографа Матса Эка

Григорий Заславский

ПЕРВАЯ и пустая сцена. Бывшая фабрика, в которой теперь располагается Орион-театр (к слову, довольно сейчас распространенная на Западе традиция превращения бывших заводских помещений в театральные; возможно, начало этого движения следует искать в опытах Брука, который выбрал однажды бывшее трамвайное депо). Незвнятные звуки. Не музыка, а шум, точно кто-то мнет в темноте бумагу (мудрено в этом шуме расслышать призыв Господа Бога!). Так начинается «Иоанна» — не балет и не драматический спектакль, а что-то среднее. Средним, впрочем, спектакль Матса Эка не хочется называть даже в таком общеупотребимом контексте.

Матс Эк (его интервью можно прочитать в «НГ» от 31.03.98), который родился в 45-м, начинал как режиссер театра марионеток. Потом танцевал с Кульберг Балетом, художественным руководителем которого он проработал позже десять лет — с 85-го по 93-й. В «Иоанне» Эк выступает и как драматический режиссер (а с этого он начал свою работу в театре), и как хореограф, естественно, тоже (следует упомянуть и то, что впервые он вышел на сцену как танцовщик, когда ему было двадцать семь).

В инвалидной коляске выезжает на сцену не девушка, а постаревшая женщина — в красном платье, две тощие косы за спиной, тяжелые башмаки. Это еще не про Иоанну, это — маленькая история, вроде интермедий, предвещающих старинные представления (как в «Гамлете», например, перед «Мышеловкой»). История про девочку и ее родителей. «Девочку» (как потом — Изабеллу) танцует Малин Эк (Матс Эк «уважает» такие семейные проекты, в «Иоанне» занят также и его брат, замечательный танцовщик Никлас Эк). Выехала, уехала. Ее отец поет какое-то кабаре-сочинение, выходит за дверь, возвращается, застегивая ширинку. Следом выходит брат, которому пришла пора идти в армию, а он не хочет на войну, и весь его танец — гимн пацифизму в его каких-то страшных формах самоотвержения и самоистязания, — не с первой попытки он перерубает себе руку дверью. Сам остается за дверью, а рука медленно съезжает вниз.

Как много смешного и веселого в этой грустной истории! Юмора в спектакле Эка очень много. Из одной стены торчат, как охотничья пожива, три коровьи башки с ро-

гами, с другой стены им «отвечают» пороссячьи пятачки. Вокруг Иоанны (ее играет Ингелла Ульсон) — с виду совершеннейшей дуручки — собираются бычки и коровы, которых она мочит и кормит. Она танцует с бычками, у которых хвосты крепятся прямо к голове. И Иоанна, как эстрадная звезда, с микрофоном в руках, поет в сопровождении хора бычков. И живого оркестра, который прячется наверху — скрипки, ксилофон (музыка Нино Ружлике)... Вслед за бычками на сцену выходят три «коровы», опекаемые Иоанной.

Художник по костюмам Мари-Луиза Экман, когда персонаж это позволяет, откровенно посмеивается над ним — можно назвать это иронией художника, можно — карикатурой, когда она «одевает» епископа в сутану с длинным рядом ненужных в этом виде одежды пуговиц, роль которых исполняют винные пробки. Пробки торчат в некоторых местах одежды совершенно неприлично. Ио-

анна же одета в свободную шерстяную кофту. Изабелла во время своего торжественного не выхода, а выезда — ее вывозят на садовой тележке в «откровенном» платье с двумя красными шнурками, которые тянутся от сосков в разные стороны, ниспадая до самой сцены...

Слабоумный принц съезжает по лестнице в яшике, путая королеву. И — кусает ее за палец. Выбравшись из яшика, он уже не останавливается. Танцует «дурацкий танец». С ним заодно пляшут его многочисленные двойники, такие же маленькие злобные чертенята. Глядя, как танцуют эти бесчисленные отражения и отражения отражений Филиппа, можно только восхититься таланту хореографа. Ведь танец в чем-то противоположен драматическому театру, где проще сыграть злодея, чем во всех отношениях положительного человека. В танце, на-

оборот, все знают, как должны двигаться и какие па приличествуют Спартаку или Ромео. И самое сложное — станцевать дурачка, когда и техника должна быть высокого класса, и в то же время нельзя уальсировать формальным изяществом и красотой форм...

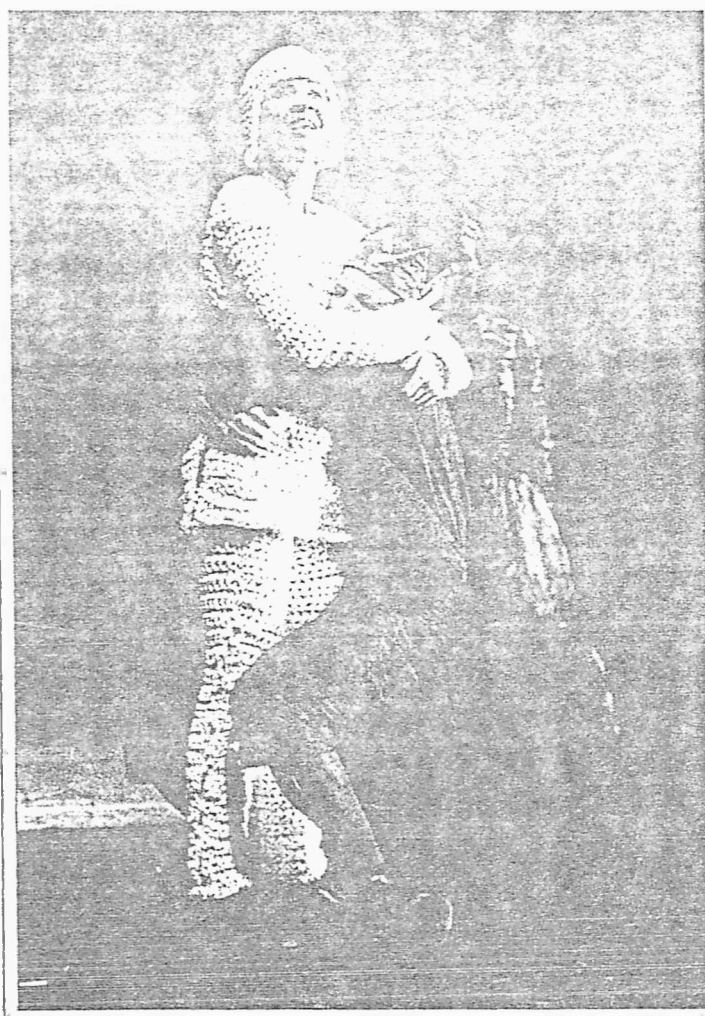
Совершеннейший бедлам вдруг прерывают скандирующие голоса толпы (это — музыканты!) сверху: «Езус! Езус!!!», Иоанна уходит со сцены девочкой-скотницей, а возвращается исполненная знанием своего высокого призвания — то есть без косичек уже, в лице ее появилась какая-то строгость, даже суровость. Верхом на крупноколесном тракторе она объезжает огромную сцену из конца в конец.

Начинается время ее триумфов и исполнения незначительных пророчеств. Принцип симультанности выдерживается простым чередованием сцен, в которых главная — Иоанна, и сцена при дворе. Какою-то метафорической, поэтической краткостью, даже если это целый развернутый эпизод, который разыгрывается на всем большом пространстве сцены, все они напоминают о клеймах, будто бы вынутых из какой-то неканонической иконы, живописующей скорбный путь Иоанны.

В очередной раз наследника Филиппа в короне и золотой мантии вывозит сама Иоанна. Он встает, плачет, а придворная свита все громче и громче аплодирует ему, заглушая аллодисментами его вскрипы... В следующем эпизоде Иоанне предстоит еще раз объехать крутом на своем тракторе, чтобы попасть в окружение не родимых французов, а самых что ни на есть англичан. Она к ним — с боевым французским кличем, они отвечают ей «интернациональным» «Фак ю!». И — набрасываются на нее, и втыкают в ее шерстяную, крупной вязки, одежду стрелы, так что Иоанна вдруг станет похожей на Святого Себастьяна.

Следует суд. Иоанна, подвешенная к какому-то крюку, пролетает над сценой. Висит. Вопросы летят в нее, как новые стрелы, откуда-то из-за зрительских спин. Ее трясет. Мимо проплывают Филипп и Изабелла, оба — в красном, она — в красном с золотом. Он садится верхом на свинью, что все время так и стояла на сцене (некстати вспомнилось, что по соседству, в Стокгольме, идет сейчас «Игра снов» Уилсона, у которого на сцене стоит чучело лошади).

Казнь и смерть Эк почти не показывает. Все и так известно. И страшно. После сцены суда просто звучит песня. Иоанна поет в темноте. И в темноте кто-то просто зажигает спичку. Это и есть финал.

На фотографии хорошо видна крупная вязка костюма Иоанны (Ингелла Ульсон).